

М.В. Грачёв, Д.В. Трухан*

ГРАД МИРА И СПОКОЙСТВИЯ ВО ВЛАСТИ СТИХИИ:
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НАВОДНЕНИЯХ
И СПОСОБЫ ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ В ЭПОХУ ХЭЙАН

Природные катастрофы одолевали Японию на протяжении всей ее истории, однако, как свидетельствуют источники, в отличие от современности, где самыми разрушительными признаются землетрясения и сопутствующие им цунами, в предшествующие времена для отдельных регионов Страны восходящего солнца не менее значительными погодными явлениями оказывались затяжные дожди и вызванные ими разливы рек. Настоящая статья посвящена рассмотрению специфики наводнений в столице Хэйанкё, по названию которой позднее стала именоваться хэйанская эпоха, ритуально-магическим и практическим мерам по минимизации приносимого ими ущерба, а также восприятию стихийных бедствий людьми того времени.

Ключевые слова: Япония, эпоха Хэйан, стихийные бедствия, наводнения, ритуальная практика, противопаводковые сооружения

Tranquility and peace capital at the mercy of the elements: ideas about floods and ways to prevent them in the Heian Japan. MAXIM V. GRACHYOV, DARIA V. TRUKHAN (Lomonosov Moscow State University)

Flood is one of the most destructive natural phenomena in the world. Japan has been prone to various natural disasters from the beginning of its history, and there is a widespread view that the most dangerous of them are earthquakes and tsunamis. Nowadays it is certainly true, however, according to historical sources in ancient times for some regions of Japan prolonged rains and river overflows caused by them were no less (and even more) destructive. That was the case of Heian-kyo because the capital city was built in a valley, which is a part of the Kyoto Basin, between two large rivers – the Kadono-gawa (nowadays Katsuragawa) to the west and the Kamo-gawa to the east. The article considers the specifics of floods in Heian-kyo, rituals and practical measures used to minimize the damage caused by them, as well as the perception of the floods by people living in that times.

Keywords: Japan, Heian era, natural disasters, floods, rituals, flood control structure

* ГРАЧЁВ Максим Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: maxgr73@mail.ru

ТРУХАН Дарья Владимировна, аспирант кафедры истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: trukhan.daria@ya.ru

© Грачёв М.В., Трухан Д.В., 2022

Наводнения, сопутствующие человечеству с глубокой древности и происходящие в различных регионах и климатических зонах, – один из опаснейших природных феноменов. В современном мире наводнения – не только природное, но и социально-экономическое явление, частотность и разрушительная сила которого за последние десятилетия стремительно возросла [1, с. 5–6].

Япония – страна, где природные катаклизмы (землетрясения, извержения вулканов, тайфуны, цунами) происходят постоянно. Эти катаклизмы настолько часты (каждое шестое землетрясение магнитудой выше 6 баллов приходится на Японию), что их изучение обладает как теоритическим, так и практическим значением [26]. Борьба с речными наводнениями имеет в Японии давние традиции. В силу актуальности вышеозначенной тематики рассмотрим историю столкновения с водопольем в период Хэйан (794–1185 гг.).

Столица раннесредневековой Японии, город Хэйанкё: (Град мира и спокойствия), располагалась на территории Киотской впадины между двух рек Камогава и Кадоногава (ныне Кацура), что, с одной стороны, являлось преимуществом, но с другой – доставляло немало трудностей. Река Камогава, выполняющая функцию головной водной артерии, по замыслу строителей столичного града, должна была предотвращать застой энергии *ки*, унося из города в юго-западном направлении скверну и негативную энергетику. Камогава, будучи символическим олицетворением дракона – защитника Востока (*сэйрю*), одного из четырех «охранителей» столичного града (*сидзин*), на деле выступала источником постоянных нападений.

Предшествующую временную столицу Нагаока и ее окрестности наводнения накрывали регулярно, тем не менее, первое зарегистрированное в летописях наводнение в городе Хэйан относится к 796 г., то есть оно произошло через два года после переноса столицы [9, т. 1, с. 270]. Всего в нарративных источниках хэйанской поры зафиксировано по меньшей мере 155 наводнений в столице (при этом записи за первые 50 лет существования нового города не систематичны, а характеристики бедствий лаконичны). Японские специалисты, пытаясь интерпретировать вышеозначенную специфику, приходят к выводу, что такое резкое увеличение наводнений в Хэйанкё: было связано с антропогенными факторами, в первую очередь – све-

дением лесов ради обеспечения потребностей в древесине (например, активной вырубкой леса выше по течению рек во время строительства столицы) и нерациональным ведением сельского хозяйства, способствовавшим ощутимому снижению инфильтрационных свойств почв¹. Немало сторонников и у гипотезы, объясняющей разрастание наводнений естественным изменением климата [5, с. 643–644; 8, с. 80].

Впервые обстоятельную запись о широко-масштабном наводнении в Граде мира и спокойствия мы находим в летописном своде «*Сёку нихон ко:ки*» под 8-м лунным месяцем 848 г.:

«3-й день. Льет дождь. Шел всю ночь без остановки.

4-й день. Весь день – ливень. Сильный. Переполнились колодцы.

5-й день. Повсюду наводнения. Потоками воды уносит людей и скот. Разрушился мост Ка-ябаси, осталось от него лишь 6 ма². Накренился мост Удзибаси, прохудилась в нескольких местах дамба Манда. ... В нынешнем году вода поднялась на 4–5 сяку³ выше, чем в 1-ом году Дайдо:⁴» [15, с. 215].

Интересно, что о наводнении 806 г., считавшемся одним из ужасающих событий по прошествии 40 лет и оставшимся в памяти людей, летопись «*Нихон ко:ки*» немногословна. Из текста узнаем: по причине «затяжных дождей» случилось наводнение и «все провинции Поднебесной испытали многообразные невзгоды». Убытки были вызваны «совмещением» обильных «водных стихий», справиться с которыми было возможно только при надлежащих общих стараниях. Беда, увы, не пришла одна: слабым здоровьем государь Хэйдзэй (правил в 806–809 гг.) в час уныния сетовал, что страна не сумела оправиться от бедствия 806 г., а в следующем году погрузилась в атмосферу пандемии, погубившей многих людей [10, с. 67, 70].

В отличие от летописей, в дневниковых записях сановников можно встретить многословные, насыщенные эмоциональными переживаниями рассуждения о наводнениях в столице. В 1000 г. Фудзивара Юкинари (972–1028) констатировал, что обезопасить от буйства стихии

¹ Взаимосвязь между активным возделыванием полей в окрестностях реки Камогава и наводнениями не раз становилась предметом беспокойства властей [12, р. 324–326].

² Т.е. пролетов между столбами.

³ 100–150 см.

⁴ 806 г.

не удавалось даже личные усадьбы властносановных особ. Поместье Фудзивара Митинага, когда «вода хлынула в город», «все заполнилось водой, будто море, не различить теперь, где пруд, а где сад». Придворные передвигались «кто на лошади, кто на спинах людей...» [22, т. 1, с. 409–410].

В 1017 г. глава государственного совета Фудзивара Митинага (966–1028) с сожалением писал: «Столица и окрестности стали подобны морю. Собирался посетить Хоко-ин для восьмеричных чтений сутры Лотоса. Но и территория Хокоин, и дорога Ооимикадо скрылась под водой, храм посетить не смог ... Пришедшие [в храм] люди словно море пересекали» [6, т. 3, с. 109]. Ему вторил старший советник двора Фудзивара Санэсукэ (957–1046), называя случившееся «катастрофой» (*тэндзай*): «Последние годы не видывал, чтобы три дня и две ночи без остановки шел сильнейший дождь... Ныне вода прорвала плотину Хоку[хэн] на первой линии и воды реки Камогава неожиданно обрушились на город... Большие и малые дороги столицы уподобились океану. Все постройки столицы и окрестностей получили повреждения от стремительного потока» [16, т. 4, с. 204]⁵.

В 1105 г. советник двора Фудзивара Мунэтада (1062–1141) с замиранием сердца рисует нам картину наводящих страх событий 5-го лунного месяца: «6-й день. Дожди не прекращаются и каждый день только усиливаются. Столица утопает в грязи. Дороги, в большинстве своем, пришли в беспорядок. 13-й день. Дождь лил, не переставая, несколько дней. 14-й день. Этим утром струи дождя еще сильнее полились с небес. Обычный люд испытал тревогу, поскольку несколько дней был затяжной ливень, точно небеса разверзлись. Императорский сад превратился в водоем. Дороги стали похожи на реки. Необычайно сильно половодье чувствовалось в Тобадэн⁶. Воды Камогава и Кадоногава затопили все вокруг и достигли императорских кладовых. Промокли даже вещи государя» [21, т. 3, с. 42]⁷.

⁵ В 886 г. продолжавшийся четыре дня ливень привел к затоплению столицы. Уровень воды поднялся настолько, что в городе невозможно было передвигаться даже на спинах лошадей [4, т. 2, с. 407].

⁶ Резиденция экс-государя Сиракава (правил в 1072–1086 гг.; экс-государь – 1086–1129 гг.) располагалась в месте слияния Камогава и Кадоногава.

⁷ Свидетелем удручающих событий был и правый министр Фудзивара Тадазанэ (1078–1162) [3, т. 2, с. 75].

Основными природными причинами разлива столичных рек являлись затяжные дожди, зачастую вызываемые либо приходом тайфунов (8-й лунный месяц), либо наступлением сезона «сливовых дождей» (5-й лунный месяц). Однако обнаруживается немало примеров, когда половодье происходило в другое время (например, в 3-й и 7-й лунные месяцы).

Каков же был порядок действий в случае обрушения напастей со стороны реки? Наиболее «действенными» и «общепонятными» мерами усмирения угроз для императорского двора эпохи Хэйан были ритуалы молений о прекращении дождя и отправка в святилища посланников с дарами. Ритуально-магические предприятия могли проводиться постфактум и заблаговременно, если о предстоящей угрозе уведомляло гадание или были иные, указующие на его неминуемость признаки [15, с. 107]. На этапе формирования системы «экстренных» молений в случае экстремальной ситуации следовало справлять службы в храмовых комплексах, посвященных божествам-«мё:дзин», однако к середине IX в. устанавливается ограниченный список святилищ, «ведавших» дождевыми делами (Ниу, Кибунэ, Мацуноо, Огура, Инари, Камо и т.д.). Нередко проводились «умиротворения» божеств, если их гнев признавался причиной бедствия.

Источники не позволяют во всей полноте реконструировать ритуал прекращения дождя, который, по всей вероятности, был в отдельных деталях аналогичен обряду испрашивания дождя [2, с. 590–593]. Главенствующая компонента ритуала состояла в подношении «священных коней» (*дзинмэ*) святилищам. Суть такого дара прочно связывалась с его сакрально-магическими свойствами. Когда в 731 г. «провинция Каи преподнесла божественного коня вороной масти, грива и хвост – белые», в летописи даны пояснения: «Божественный конь – это дух реки... Коли добродетельность [правителя] достигает горных вершин, показывается божественный конь... Взаправду – сие величайшее благостное предвестие. Оно ниспослано храмами предков, алтарями земли и знаков⁸» [14, т. 2, с. 252, 255].

Сохранились частности проведения вышеозначенных действий: «Если с 4-го по 8-й лунный месяц долго нет дождей, надлежит молить [небо] о ниспослании дождя. [Чинам] палаты по делам небесных и земных духов надобно

⁸ Т.е. божествами, оберегающими страну.

провести гадания о [истоках] гнева [божеств]... Отправить посланников в святилища... и поднести коня вороной масти... Коли в течение 8-го и 9-го лунных месяцев затяжные дожди не прекратятся, следует просить [небеса] о завершении дождей. Провести гадания о [причине] гнева [божеств]. Сделать приношения различным святилищам... Даровать коня рыжей масти. Как в случае с ритуалом молений о дожде, гадания проводить на панцире черепахи и тысячелистнике. Если при расследовании в святилище проявится скверна, то, устранив [источник опасности], навести порядок» [17, с. 275]⁹. К молениям о дожде привлекали буддийских монахов, основная задача которых состояла в декламации сутр (в 1017 г. «Сутру о человеколюбивом государе» (*Нинно:-кё:*) на протяжении трех дней возглашали 500 монахов). В случае недостижения желаемого эффекта церемонию могли продлить (в 1028 г., например, на два дня), равно как и прекратить, если дождь все же проливался (или останавливался) [13, с. 69, 234; 15, с. 27].

Так как «дождевые вопросы» непосредственно влияли на основу благосостояния государства – урожай, меры урегулирования нестабильных природных ситуаций могли включать идеологические мероприятия, призванные продемонстрировать благодетель и иные высокоморальные качества государя, на случай если именно его огрехи в вопросах управления державой послужили причиной природных аномалий (так поступил в 806 г. Хэйдзэй) [10, с. 66]. Император вне зависимости от возраста возлагал на себя ответственность практически за любые природные неестественности, примеры которых можно перечислять и перечислять. Закономерно, что в 860 г. десятилетний император Сэйва (правил в 858–876 гг.) заявлял о неспособности управлять «всем народом, который доверили ему небеса», ибо «слаб телом» (безрадостные природные явления были тому ярким подтверждением) [18, с. 106–107]. В 1017 г. Фудзивара Санэсукэ предположил, что основание обрушившихся на страну бед не только в «недостаточности преобразующего влияния правителя», но и в «низких моральных

качествах» Фудзивара Митинага и членов его семейства [16, т. 4, с. 205].

Религиозные ритуалы представляли не только «экстренную» меру воздействия на окружающую природу в качестве «отклика» на стихийные бедствия, ряд из них должен был отправляться ежегодно ради поддержания государства в стабильном состоянии и предотвращения возможных напастей. Персональная ответственность за несвоевременность осуществления мер, направленных на исправление представляющих опасность явлений в природе, возлагалась на управителей провинции. Когда в 814 г. засуха пришла в провинции Кинай, Оми и Тамба, повинны оказались управители-«*кокуси*», пренебрежительно относившиеся к обязанностям, так как «хранили безмолвие» (*мокудзэн*) и не удосужились инициировать соответствующие обряды при первых признаках природных ненормальностей; стало быть, довели подведомственную территорию до злосчастия [10, с. 125–126]¹⁰.

В качестве причин напастей, одолевающих столичный град, в текстах эпохи Хэйан представлен целый спектр идей, который отражает систему воззрений на стихийные бедствия, установившуюся в кругу придворных. Важнейшей причиной надлежит признать ливневые паводки. Однако появление дождей, равно как и продолжительное их отсутствие, понималось в качестве проявления тех или иных сверхъестественных сил. Помимо идеи личной ответственности правителя и чиновников в результате допущенных ими ошибок в управлении государством, в разное время «виновниками» наводнений и иных катаклизмов признавались: гнев божеств [6, т. 2, с. 75] (для установления «гневающегося божества» наличествовала обязательная процедура гаданий [23, с. 385]); общий упадок людских нравов, в особенности – буддийского духовенства, когда «река злобствующих монахов», шедших наперекор небесам, порождала неотвратимые напасти, предвещая «наступление эпохи окончания веры в Дхарму» [21, т. 3, с. 144–145, 335]; а также следование законам мироздания в рамках представлений о несчастливых годах (*якудоси*) и годах «*санго:*», способных принести невообразимые неблагоприятия [4, т. 1, с. 679; 16, т. 8, с. 128; 21, т. 1, с. 25].

⁹ Аналогичная практика упоминается и в других источниках X–XII вв. [2, с. 591; 21, т. 2, с. 90–91], однако в IX в. с мольбами о прекращении дождя ассоциировалось «подношение коня белой масти» [4, т. 1, с. 675; т. 2, с. 40].

¹⁰ Также см. многоречивые сообщения 917 и 1107 гг. о бездействии чиновников: [18, с. 542–543; 21, т. 3, с. 174].

Существовала отдельная последовательность действий в случае внушительного природного катаклизма. Например, в 1097 г., когда наводнение сопровождалось ураганным ветром, срывающим крыши с домов столичных обывателей и поломавшим немало деревьев, а на следующий день, в довершение к не унимавшейся стихии, началось землетрясение. После проведения вышеозначенных устоявшихся мероприятий на высочайшее имя был подан «секретный доклад о небесных знаках» (*тэммон миссо:*), документ конфиденциального содержания, где составитель, личный секретарь канцлера Накахары Морото (1070–1130), представил свое профессиональное мнение об угрожающих последствиях стихии для всей страны (такие донесения становились предметом скрупулезных разбирательств) [21, т. 2, с. 52].

При всем очевидном разнообразии ритуальных мер реагирования на стихийные бедствия было бы неверно полагать, что они составляли весь арсенал средств предупреждения природных катаклизмов. Столица была «обиталищем августейшего правителя» [16, т. 8, с. 235], «величайшим краем радости Поднебесной» [19, с. 66], а потому благоденствие столичного града – сакрального центра государства – считалось стратегической задачей государственного управления.

Разработка комплекса защитных мер не была активизирована в период Хэйан. Источники VIII в. сохранили упоминания не только о наводнениях, но и об осуществлении гидротехнических мероприятий с целью их предупреждения. Чрезвычайная трудоемкость возведения плотин, дамб и каналов по традиционной технологии требовала значительной концентрации сил, которую мог себе позволить только правитель, имеющий в своем распоряжении большое количество людских ресурсов. При этом трудозатратные проекты были бы маловероятны при отсутствии надлежащего уровня развития сельского хозяйства, который позволял бы освободить значительную часть людей для участия в строительстве. Законами предусматривалась вероятность мобилизации свыше 500 человек для ремонта плотин и дамб [11, т. 3, с. 768], что согласуется с материалами нарративных источников. В 779 г. в провинции Суруга случился большой разлив и в двух уездах были разрушены дамбы. Когда вода, наконец, отступила, рисовые поля оказались погребенными под землей, а многие жилища серьезно пострада-

ли. Для проведения ремонтных работ потребовалось 63 200 человеко-дней [14, т. 5, с. 113]¹¹. В обычное время возведение и ремонт гидротехнических сооружений в столице, по всей видимости, находилось в компетенции министерства народных дел, а на периферии – в ведении управителя провинции [11, т. 1, с. 95] (при сооружении новой столицы работами руководила управа, ответственная за строительство всего города [7, с. 1193]). Известны имена выдающихся мастеров: преподобного Гёги, который «вел за собой последователей, повсеместно, где возникала необходимость, наводил мосты и воздвигал дамбы» и управителя провинции Тикуго Мити Обитона [14, т. 2, с. 43; т. 3, с. 61].

«Мудрый правитель» Сага (правил в 809–823 гг.) открыл новую страницу в деле обеспечения безопасности столицы от водополя. В 820 г. при обсуждении вопроса об уроне, наносимом вследствие «разрушения плотин и дамб», было решено, что следует «ежегодно проводить проверки» для устранения любых повреждений. Виновных надлежало «строго наказывать» [12, с. 504]. В условиях грандиозных административных преобразований, что предпринял Сага при поддержке брата (следующий государь Дзюнна (правил в 823–833 гг.)), в 824 г. был реализован перспективный проект.

«История» функционирования служб по контролю над реками Камогава и Кадоногава (*Бо:каси* и *Бо:кадоно-но гаваси*) поучительна. Обязанности служащих ведомств были весьма обширны: контроль уровня воды на реках, своевременный надзор за вверенными объектами с обязательным ведением реестров, где фиксировалось не только их количество, но и текущее состояние, а также устранение последствий разливов [12, с. 505–506]. Поддержание великих замыслов государя Сага начинает ослабевать со смертью его внука – императора Монтоку (правил в 850–858 гг.) в 858 г., и в 861 г. круг обязанностей чинов *Бо:каси* и *Бо:кадоно-но гаваси* при самом деятельном участии главного министра Фудзивара Ёсифуса (804–872) в разрешении этого вопроса был передан управителю провинции Ямасиро [12, с. 503]¹².

¹¹ В 762 г. починка плотины Саяма-но икэ потребовала работ объемом 83 000 человеко-дней [14, т. 3, с. 407]; в 784 г. на восстановление поврежденной в пятнадцати местах плотины в уезде Мамута понадобилось 64 000 человеко-дней [14, т. 5, с. 303].

¹² Для понимания подлинных мотивов «ликвидации» служб по контролю за реками Камо и Кадоно

С воцарением государя Дайго (правил в 897–930 гг.) полномочия *Бо:каси* и *Бо:кадо-но-но гаваси* переданы полицейскому ведомству *Кэбииситё*. Службы были объединены в одну (*Бо:каси*), а общий надзор за деятельностью стал осуществлять левый главноуправляющий делами государственного совета [20, т. 1, с. 115]. Значительность ведомства в системе административных учреждений возросла. Главными *Бо:каси* становились влиятельные люди: Тайра Ёритоки (890–954) – любимец государя Судзаку (правил в 930–947 гг.) [20, т. 1, с. 177], Фудзивара Сигэру – ближний слуга императора Мураками¹³ (правил в 946–967 гг.) и т.д. [9, т. 2, с. 56].

Основной задачей *Бо:каси* (или же *Бо:ка докоро*) – «Управы по предупреждению [бедствий] на реке Камогава» было возведение инженерных противопаводковых сооружений, поскольку эффективность в этой области становилась залогом успешного прохождения служебной аттестации [19, с. 589]. Полномочия *Бо:каси* не ограничивались только столичным градом, а распространялись на всю территорию провинций Ямасиро¹⁴ и Ямато. Хотя штат был невелик – всего пять человек [17, с. 297], тем не менее, в случае экстренной необходимости ведомству предоставлялся вспомогательный персонал (зачастую из полицейского управления), а служащие *Бо:каси* могли мобилизовать работников [11, т. 3, с. 767–769]. В 1127 г. во время ремонтных работ по восстановлению нескольких дамб в 4 уездах провинции Ямато освобождение от других работ (как и обеспечение провизией) получили 222 труженика [25, т. 5, с. 1820–1821]¹⁵.

У чинов *Бо:каси* был внушительный хозяйственный комплекс. Самыми распространен-

стоит обратить внимание еще на одно небезынтересное обстоятельство. При обвинении чиновников вышеназванных департаментов в неэффективности, а также акцентировании внимания на непомерных затратах казны на содержание служб, функции ведомств были переданы под управление Ки Имамоори – человека ближнего круга Фудзивара Ёсифуса.

¹³ Судзаку и Мураками были сыновьями Дайго и продолжателями его начинаний.

¹⁴ Беспокойство властей вызывало село Ямадзакки. Пленяющие своей красотой места слияния трех рек нередко становились источником большой беды.

¹⁵ См. также документ, повествующий об усердии работников *Бо:каси* при строительстве гидротехнических сооружений в провинции Ямасиро в 1054 г.: [25, т. 3, с. 839–840].

ными объектами, находящимися на их попечении, были дамбы (*цуцуми*), плотины и запруды (*сэки*), рвы (*мидзо*), ирригационные каналы, а также протоки (*унатэ*)¹⁶. Только одних каналов и проток-«унатэ» насчитывалось около 1700. В качестве строительного материала использовались дерево, бамбук, камень, глина, земля, песок и солома. На дамбах и в окрестностях сажали бамбук, вяз, иву и другие деревья, поскольку считалось, что земля и песок удерживаются корнями деревьев, оттого дамба обретает большую устойчивость. Помимо прочего, деревьям можно было найти применение во время ремонтных работ. При создании гидротехнических сооружений японские мастера использовали как китайские труды о теории и практике ремесленного производства, так и собственные решения. Чтобы уменьшить зону разлива реки и предотвратить засоры, параллельно низкому берегу возводились плотины, а вдоль течения рек прорывали водоотводные каналы с целью регулирования расхода воды (их ширина, как и глубина составляла 4 сяку или около 1,2 м). Дамбы сооружали посредством отложения ила в воде по обеим берегам рек [11, т. 3, с. 769; 18, с. 353–360].

Плотины и дамбы представляли собой масштабные конструкции. Длина дамбы Аратама составляла около 300 дзё: (или 900 м) [14, т. 3, с. 383]. В 1020 г. у святилища Камо дзиндзя были построены: южная дамба протяженностью 170 дзё: (около 510 м), дамба Како – 60 дзё: (около 180 м) и еще одна дамба – 120 дзё: (около 360 м) [13, с. 103]. Всего в столице было 17 крупных плотин и дамб, три самых мощных из которых (Хокухэн, Тока и Дода) предназначались для защиты императорского дворца от высокой воды [7, с. 1194–1201]. За долгие годы эксплуатации наносы ила были значительны и речное дно возвышалось над окружающей местностью. Уровень воды в междамбовом пространстве, как следствие, возрастал, а пропускная способность русла, наоборот, падала, что и приводило к неминуемой катастрофе. В 1142 г. в результате плохого содержания на одной из столичных дамб, построенной на восточном берегу реки Камо, произошел прорыв, и жители града мира и спокойствия испытали «трагедию уподобления рыбам и черепахам» [24, с. 373].

Время от времени погода преподносила неприятные сюрпризы, противостоять которым

¹⁶ Инструкции относительно эксплуатации сооружений см.: [12, с. 504–507].

было не в силах людей, и ответственных лиц *Бо:каси* укоряли в нерадивости [22, т. 1, с. 160]. Эти нарекания в адрес служащих *Бо:каси* можно рассматривать как часть существующих в мире чиновничества традиций. Фронт работ служащих ведомства оставался, между тем, весьма обширным и включал небезытересные эксперименты. В 1004 г. после разрушения плотины была предпринята попытка укротить строптивую реку Камогава, перенаправив ее воды в новое русло (курировал проект принц крови Ацумити). Однако обильные дожди, пришедшие в столичный регион, свели на нет титанические усилия устроителей нового русла [6, т. 1, с. 77, 93; 22, т. 2, с. 329]. В 1106 г. после разрушения системы водоотводных каналов под угрозой затопления оказалась гробница государя Мураками. Усилиями работного люда было прокопано новое русло с сетью каналов, и кризис миновал [21, т. 3, с. 100–101]. Работы по сохранению гидротехнических объектов не останавливались даже во время войны домов Минамото и Тайра (1180–1185 гг.) [7, с. 264].

Город Хэйан на протяжении своей истории среди многочисленных стихийных бедствий, постигших Японию, особенно страдал от постоянных наводнений. Мелкие и средние реки, обильно орошающие Киотскую впадину, вместе с обеспечением города ценными водными ресурсами стали первопричиной постоянных хлопот и внушительных бедствий, уносящих жизни людей. Большинство наводнений выпадало на 5-й и 8-й лунные месяцы и были связаны с приходом сезона дождей и тайфунов. «Постоянство» бедствий не всегда помогало их предотвращению. В попытках обуздать стихию императорский двор предпринимал спектр мер – от религиозных ритуалов, как регулярных, так и предполагающих «экстренный» характер, до создания специальных служб, ответственных за строительство и поддержание в надлежащем состоянии гидротехнических сооружений, но значительных успехов достигнуто не было. В долгосрочной перспективе урбанизация стала одним из весомых факторов усиления наводнений, как и увеличения их повторяемости. Действующая система дамб, плотин и каналов в случае затяжных дождей не справлялась с регулицией уровня воды столичных рек, поскольку процесс накопления осадков в русле ускорялся, и вырвавшийся из-под контроля водный поток смывал находящиеся на его пути дома и мосты, затапливал улицы, парализуя

жизнь города. Вряд ли можно признать весомой причиной наводнений халатность чиновников соответствующих служб, поскольку обитатели столицы оказались заложниками тех явлений, с которыми не способны были совладать, особенно учитывая техническое несовершенство инженерных конструкций. В конце концов даже в XX и XXI вв., когда технологии строительства достигли очевидного прогресса, наводнения все еще наносят значительный урон городу Киото.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воробьев Ю.Л., Акимов В.А., Соколов Ю.И. Катастрофические наводнения начала XXI века: уроки и выводы. М.: ДЕКС-ПРЕСС, 2003.
2. Го:кэ сидай (Домашний распорядок дома Оэ) // Синто: тайкэй: Тё:ги сайси хэн. Т. 4. Токио: Синто: тайкэй хэнсайкай, 1991.
3. Дэнрэки (Записи царедворца) // Дай Нихон кокироку. Т. 1–5. Токио: Иванами сётэн, 1960–1970.
4. Ёмикудаси Нихон сандай дзицуоку (Правдивые записи о правлении трех императоров Японии). Токио: Эбису ко:сё:, 2009.
5. Катахира Хирофуми. Камогава То:ган тики-ни окэру ко:дзуй-но консэки (Следы наводнений на восточном берегу реки Камо) // Рицумэйкан бунгаку. 2006. № 593. С. 656–641.
6. Мидо: кампакуки (Записи канцлера из павильона Мидо) // Дай Нихон кокироку. Т. 1–3. Токио: Иванами сётэн, 1952–1954.
7. Мэйдзи идзэн Нихон добокуси (История инженерного строительства в Японии до эпохи Мэйдзи). Токио: Иванами сётэн, 1936.
8. Накадзима Тётаро. Камогава суйгай-си (1) (История наводнений реки Камо (1)) // Кё:дай бо:сай кэнкю:-дзё нэмпо:. 1986. № 26 В-2. С. 75–92.
9. Нихон кираку (Краткие записи о Японии) // Кокуси тайкэйхэн сю:дзо:хэн. Т. 1–2. Токио: Ёсикава ко:бункан, 1965.
10. Нихон ко:ки (Поздние анналы Японии) // Кокуси тайкэйхэн сю:дзо:хэн. Токио: Ёсикава ко:бункан, 1980.
11. Рё:-но сю:гэ (Гражданские законы с расширительными комментариями) // Синтэй дзо:хо кокуси тайкэй Т. 1–4. Токио: Ёсикава ко:бункан, 1972.
12. Руйдзю: сандай кяку (Классифицированные указы трех государей) // Синтэй дзо:хо: Кокуси тайкэй. Т. 1–2. Токио: Ёсикава ко:бункан, 1968.

13. Сакэйки (Записи Цунэёри) // Дзо:хо сирё: тайсэй. Токио: Ринсэн сётэн, 1965.

14. Сёку нихонги (Продолжение анналов Японии) // Син Нихон кодэн бунгаку тайкэй. Т. 1–5. Токио: Иванами сётэн, 1992–1996.

15. Сёку нихон ко:ки (Продолжение поздних анналов Японии) // Кокуси тайкэй. Токио: Ёсикава ко:бункан, 1934.

16. Сё:ю:ки (Записи правого министра) // Дай Нихон кокироку. Т. 1–11. Токио: Иванами сётэн, 1959–1986.

17. Сингисики (Новый [свод] церемониала) // Синко: гунсё руйдзю:. Т. 4. Токио: Найгай сёсэки, 1931.

18. Сэйдзи ё:ряку (Кратко о важнейших политических делах) // Кокуси тайкэй. Токио: Ёсикава ко:бункан, 1981.

19. Тё:я гунсай (Обозрение двора и дальней округи) // Кокуси тайкэй. Т. 29. Токио: Ёсикава ко:бункан, 1964.

20. Тэйсин ко:ки (Записи господина Сада-нобу) // Дай Нихон кокироку. Токио: Иванами сётэн, 1956.

21. Тю:ю:ки (Записи правого министра) // Сирё: тайсэй Яно Таро: ко:тэй. Т. 1–7. Токио: Найгай сёсэки, 1934–1935.

22. Фудзивара Юкинари. Гонки (Записки са-новника). Т. 1–3. Токио: Ко:данся, 2011–2012.

23. Хокудзансё (Заметки с Северной горы) // Синто: тайкэй: Тё:ги сайси хэн / Под ред. Цути-да Наосигэ, Токоро Исао. Токио: Синто: тайкэй хэнсайкай, 1992.

24. Хонтё: сэйки (Записи о существовании нашей династии) // Синтэй дзо:хо Кокуси тайкэй. Токио: Ёсикава ко:бункан, 1938.

25. Хэйан ибун (Свод сохранившихся документов эпохи Хэйан) // Кобунсё хэн. Т. 1–10. Токио: То:кё:до:, 1975.

26. Япония: события 11 марта 2011 года. Итоги и уроки / Под ред. Э.В. Молодяковой. М.: Аиро-XXI, 2012.

REFERENCES

1. Vorob'yov, Yu.L., Akimov, V.A. and Sokolov, Yu.I., 2003. Katastroficheskie navodneniya nachala XXI veka: uroki i vyvody [Catastrophic floods of the early 21st century: lessons and conclusions]. Moskva: DEKS-PRESS. (in Russ.)

2. 江家次第 [Order of procedures and celebrations according to the Oe family]. In: 神道大系, 朝儀祭祀編. Vol. 4. 東京: 神道大系編纂会, 1994. (in Japanese)

3. 殿曆 [Records of the courtier]. In: 大日本古記録. Vols. 1–5. 東京: 岩波書店, 1960–1970. (in Japanese)

4. 読み下し日本三代実録 [Veritable records of three reigns of Japan]. 東京: 戎光祥出版, 2009.

5. 片平 博文, 2006. 賀茂川東岸地域における洪水の痕跡 [Traces of flood in the eastern area of the Kamo River], 立命館文学, no. 593, pp. 656–641. (in Japanese)

6. 御堂關白記 [Records of the chancellor from Mido pavilion]. In: 大日本古記録. Vols. 1–3. 東京: 岩波書店, 1952–1954. (in Japanese)

7. 明治以前日本土木史 [History of civil engineering in Japan before Meiji Era]. 東京: 岩波書店, 1936. (in Japanese)

8. 中島 暢太郎, 1986. 鴨川水害史 (1) [Historical review of the floods of the Kamo River in Kyoto (1)], 京都大学防災研究所年報, no. 26 B-2, pp. 75–92. (in Japanese)

9. 日本紀略 [Abbreviated chronicles of Japan]. In: 國史大系編修會編. Vols. 1–2. 東京: 吉川弘文館, 1965. (in Japanese)

10. 日本後紀 [Later Chronicle of Japan]. In: 國史大系編修會編. 東京: 吉川弘文館, 1980. (in Japanese)

11. 令集解 [Collected commentaries on the administrative codes]. In: 新訂増補 國史大系編. Vols. 1–4. 東京: 吉川弘文館, 1972. (in Japanese)

12. 類聚三代格 [Systematically classified decrees of the three eras]. In: 新訂増補 國史大系編. Vols. 1–2. 東京: 吉川弘文館, 1968. (in Japanese)

13. 左経記 [Records of the Tsuneyori]. In: 増補史料大成. 東京: 臨川書店, 1965. (in Japanese)

14. 続日本紀 [Chronicle of Japan, continued]. In: 新日本古典文学大系. Vols. 1–5. 東京: 岩波書店, 1989–1996. (in Japanese)

15. 続日本後記 [Later annals of Japan. Continued]. In: 國史大系. 東京: 吉川弘文館, 1934. (in Japanese)

16. 小右記 [Records of the right minister] In: 大日本古記録. Vols. 1–11. 東京: 岩波書店, 1959–1986. (in Japanese)

17. 新儀式 [New ritual procedures]. In: 新校羣書類従. Vol. 4. 東京: 内外書籍, 1930. (in Japanese)

18. 政事要略 [Briefly about the most important political affairs]. 国史大系. 東京: 吉川弘文館, 1981. (in Japanese)

19. 朝野群載 [Writings of the court and provinces]. 国史大系. Vol. 29. 東京: 吉川弘文館, 1964. (in Japanese)

20. 貞信公記 [Records of the Sadanobu]. In: 大日本古記録. 東京: 岩波書店, 1956. (in Japanese)

21. 中右記 [Records of the right minister]. In: 史料大成, 矢野太郎校訂. Vols. 1–7. 東京: 内外書籍, 1934–1935. (in Japanese)

22. 藤原行成 「権記」 [Diary of Fujiwara Yukinari]. Vols. 1–3. 東京: 講談社, 2011–2012. (in Japanese)

23. 北山抄 [Notes of the Northern Hills]. In: 神道大系, 朝儀祭祀編. 東京: 神道大系編纂会, 1992. (in Japanese)

24. 本朝世紀 [Records of the existence of our dynasty]. In: 新訂増補 國史大系編. 東京: 吉川弘文館, 1938. (in Japanese)

25. 平安遺文 [Collection of the archival documents of Heian Japan]. In: 古文書編. Vols. 1–10. 東京: 東京堂, 1975. (in Japanese).

26. Molodyakova, E.V. eds., 2012. Yaponiya: sobytiya 11 marta 2011 goda. Itogi i uroki [Japan: events of March 11th, 2011. Results and lessons]. Moskva: Airo-XXI. (in Russ.)

